

Лу Цяосун внезапно умер после приема слишком большого количества лекарств.

Это произошло слишком внезапно. В полдень Лу Цяосун все еще был в приподнятом настроении и был готов свернуть горы, он чувствовал себя непревзойденным. А ночью из его ушей, глаз, ноздрей и рта начала непрерывно сочиться кровь*, началось недержание мочи и прочего, и он умер жестокой смертью в павильоне Циндай.

[Примечание: 七窍流血 / qīqiào liúxuè. Кровотечение из семи отверстий. Кровь хлынула из всех отверстий головы; открылось кровотечение из носа, рта, ушей и глаз.]

Лян Ши не выдержала такого удара – услышав эту новость, она лишилась чувств. Наньань Хоу только взглянул на Павильон Циндай, а затем нетвердой походкой пошел в храм предков семьи Лу. Он посидел за ночь и даже не смог встать рано на следующий день. В конце концов, приготовлениями к похоронам Лу Цяосуна пришлось заниматься Пань Ши.

Женщина уже подготовилась к похоронной церемонии, но приготовила все это для Лу Ваньчэна. Никто не мог представить, что Лу Цяосун опередит старшего брата, и это будет такая трагическая смерть. Вещи, приготовленные для Лу Ваньчэна, естественно, нельзя использовать, поэтому Пань Ши была вынуждена идти выбирать и покупать необходимое, а во многих вещах пришлось обойтись тем, что имеется.

В резиденции Наньань Хоу висели траурные флаги*, разбросаны бумажные деньги, а в главном зале стоял гроб Лу Цяосуна. Лян Ши сидела на коленях перед гробом в белом траурном платье, но ее глаза были пусты, лицо – апатично, а слезы, казалось, высохли.

[Примечание: 白旗. Длинный и узкий белый флаг, вывешенный скорбящей семьей.]

Хотя Лу Цяосун умер бесславно, он был сыном официальной супруги Наньань Хоу. Перед смертью он установил обширные контакты, и было много людей, пришедших выразить свои соболезнования. Среди них был человек, который утверждал, что он – евнух из Восточного дворца и пришел поклониться третьему молодому господину вместо императорской наложницы.

Наконец, лицо Лян Ши дрогнуло, и она спросила охрипшим голосом: «От императорской наложницы... Она... С ней все в порядке?»

Мужчина выглядел смущенным и под градом вопросов Лян Ши сказал, что наследный принц заключил Лу Нянтао в холодный дворец.

Лян Ши надолго окаменела. Когда она увидела Линь Цинъюй, то внезапно закричала, ее тело задрожало как в припадке. Она указала на лицо Линь Цинъюй и истерически прокричала: «Чудовище... Резиденция Наньань Хоу взяла в жёны злодея. Ты вошел в дом мужа и принес несчастье!»

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Мадам шутит. Тогда вы сказали, что я – счастливая звезда резиденции Хоу, уже не помните?»

Глаза Лян Ши расширились как будто кто-то схватил ее горло, и она продолжала выкрикивать странные бредовые предложения.

Лян Ши совершенно обезумела. Лекарь сказал, что она помешалась от горя, и боюсь, что в этой жизни она не сможет оправиться. Наньань Хоу получал удары один за другим, был измотан и душевно, и физически, в любой момент он мог слечь в постель и больше не встать. У него больше не было сил интересоваться семейными делами, поэтому он просто позволил слугам присмотреть за своей женой и не дать ей выбежать и опозориться. Обо всем остальном заботилась Пань Ши.

Во время похорон Лу Цяосуна самочувствие Лу Ваньчэна немного улучшилось, но он просто был более бодр и мог какое-то время поддерживать разговор.

Узнав о внезапной смерти Лу Цяосуна, безумии Лян Ши и болезни Наньань Хоу, Лу Ваньчэн совсем не удивился, вместо этого он с восхищением посмотрел на Линь Цинюй и сказал: «Цинюй, кажется, ты снова стал красивее».

Он как ядовитый цветок, который наконец распустился после долгой зимней спячки, настолько прекрасен, что и страшно, и волнительно смотреть на него.

Линь Цинюй посмотрел на свои чистые и безупречные руки и сказал с легким обвинением в тоне: «Ты сделал меня таким».

Лу Ваньчэн мягко улыбнулся и сказал: «Это честь для меня».

Снаружи раздался звук суоны – это был человек Сюн Си, отправляющий Лу Цяосуна в блаженство.

Некоторое время они молчали, и Лу Ваньчэн внезапно спросил: «Цинюй, как ты думаешь, куда пойдет Лу Цяосун?»

«Когда человек умирает, естественно, ничего не остается, куда еще он может пойти».

«Тогда ты знаешь, как я сюда попал?»

Линь Цинюй был ошеломлен его словами и сказал: «Если ты мне не скажешь, как я узнаю?»

«Однажды, когда я шел домой из школы, по дороге я спас беременную женщину, но потерял свою жизнь. — Вздохнул Лу Ваньчэн. — Я действительно хороший человек».

Глаза Линь Цинюй расширились.

«Ты имеешь в виду, что... однажды ты умер?»

Лу Ваньчэн кивнул.

«Меня переехал грузовик. Не хочу говорить об этом, мне было очень больно. — Он улыбнулся и сказал: — Говорят, мера за меру, если я спас двух человек, то это значит, что я могу дважды вернуться к жизни? Сюй Цзюньюань готов посчитать для меня и сделать предсказание судьбы, он сказал, возможно... Мне не суждено умереть сейчас».

Линь Цинюй вдруг встал и выпалил: «Как такое возможно!»

Лу Ваньчэн больше не мог притворяться расслабленным и серьезным тоном сказал: «Это... возможно. Когда я умру, может быть, я действительно умру, и ничего не останется. Даже если мне посчастливится проснуться, я могу оказаться не в Даюй, а в том мире, понимаешь?»

Линь Цинюй изумленно уставился на Лу Ваньчэна. Спустя долгое время он спросил: «Насколько ты уверен в этом?»

Лу Ваньчэн долго молчал и тихо сказал: «Я не знаю».

Линь Цинюй изо всех сил старался сдерживать свои эмоции и спросил: «Кто ты?»

Лу Ваньчэн, казалось, ожидал такой реакции и торжественно сказал: «Мне очень жаль. Я долго колебался, и думаю, что должен был сказать тебе».

«Зачем говорить мне то, в чем ты не уверен?!» — Линь Цинюй больше не мог этого выносить. Он был готов навсегда потерять Лу Ваньчэна, но тот сказал ему, что у него «возможно» еще есть шанс.

Чего хочет от него Лу Ваньчэн? Целый день ничего не делать, думать о том, умер ли тот, ждать ответа, который возможно никогда не придет?!

Если... Если это только возможность, то он предпочел бы не иметь такой возможности.

«Ты ждешь меня год», — сказал Лу Ваньчэн, задаваясь вопросом, не будет ли год слишком долгим сроком. Он и Линь Цинюй знали друг друга всего год. Зачем ему просить ждать целый год?

«Не год, гм... полгода... Нет, ста дней достаточно, — настойчиво сказал Лу Ваньчэн, больше

всего он боялся, что получит отказ на свою чрезмерную просьбу. — Если я не приду к тебе в течение ста дней, то просто относись ко мне как к мертвому. Мы можем договориться о секретном коде. Если я не умру и стану кем-то другим, мы узнаем друг друга с помощью этого кода, хорошо?»

Во рту Линь Цинюй было сухо, его мысли были в хаосе, он стиснул зубы и сказал: «Лу Ваньчэн, скотина».

Тот заставил себя улыбнуться.

«Другие красавицы самое большее ругают своего мужа „дураком“, но лекарь Линь лучше. Как только он начинает, то говорит „скотина“ – достоин быть моей женошкой».

«Убирайся».

Лу Ваньчэн бесстыдно дразнил: «Я не могу уйти, Цинюй, мои ноги бесполезны».

У Лу Ваньчэн отказали не только ноги, но и его внутренние органы были повреждены. Каждый день он терпел действие ядовитого лекарства, от боли у него так затуманивается в голове, что он может только звать его по имени.

Линь Цинюй закрыл глаза.

«Скажи».

Лу Ваньчэн опешил: «Что сказать?»

«Секретный код».

Лу Ваньчэн медленно улыбнулся.

«Дайте мне подумать. — Этот код должен быть гладким и стройным, простым и легко запоминающимся, и никто другой не должен его знать. После некоторого размышления Лу Ваньчэн сказал: — Тогда... Если нечетное, то изменится; если четное, то остается неизменным, знак зависит от квадранта?»

Линь Цинюй холодно сказал: «Что это такое? Ты не можешь сказать что-нибудь, что я смогу понять?»

«Ты можешь спрашивать обо всем, чего не понимаешь, я отвечу на все вопросы».

Линь Цинюй спросил: «О чем ты только что говорил? Что означает слово „женушка“ и что означает „сексуальная ориентация“?»

Лу Ваньчэн автоматически проигнорировал два последних вопроса и сказал: «Тогда лучше начать с основной теоремы о тригонометрических функциях...»

Лу Ваньчэн в приподнятом настроении говорил, как вдруг его брови нахмурились, и он закусил губу. Это признак действия яда.

Линь Цинюй сказал: «Я пойду возьму иглы».

Иглоукалывание может немного уменьшить боль Лу Ваньчэна, но эта «капля в море» всё же лучше, чем ничего.

[Примечание: 杯水车薪 / bēi shuǐ chē xīn. Чашкой воды тушить загоревшийся воз дров. В образном значении: мизерная помощь; попытка с негодными средствами, тщетная попытка; капля в море.]

Лу Ваньчэн схватил его, покачал головой и сказал: «Не нужно, просто останься со мной».

Линь Цинюй сел рядом с кроватью и позволил Лу Ваньчэну лежать в его объятиях. Тот напрасно широко раскрыл глаза и смотрел прямо перед собой, крепко сжал руку Линь Цинюй пальцами и с улыбкой спросил: «Цинюй, пароль... Ты хорошо его помнишь?»

Линь Цинюй прикрыл его глаза рукой и сказал: «Я хорошо запомнил его».

«Тебе действительно нужно подождать всего сто дней... — Лу Ваньчэн закрыл глаза под ладонью Линь Цинюй. — Не жди слишком долго, иначе я буду страшно расстроен».

После начала зимы пошел снег. В этом году снег выпал намного позже обычного, небо всегда было хмурым, и казалось, что Бог не был уверен, пойдет снег или нет.

У Лу Ваньчэна остается все меньше и меньше времени бодрствования, ему редко удается очнуться, и то, в основном, из-за боли от отравления. Раньше он мог сесть в инвалидное кресло и выйти во двор погреться на солнышке, а теперь не может даже сидеть. Он не может никуда пойти, лишь лежать в кровати.

В конце месяца Линь Цинюй вернулся в резиденцию Линь на празднование 40-летия матери Линь. Увидев, что он вернулся один, мать Линь поняла, что Лу Ваньчэн совсем плох. Она боялась, что ее старшему сыну будет неудобно, поэтому не задавала вопросов, но Линь Цинхэ спросил, почему Ваньчэн-гэгэ не пришел с ним. Линь Цинюй коснулся его головы и сказал, что Ваньчэн-гэгэ придет в следующий раз.

Мать Линь любит тишину и не любит шум, к тому же, ее мужа нет дома. Она просто накрыла стол из любимых блюд ее сыновей и спокойно провела с ними свой день рождения. Она посмотрела на облачное небо за окном и сказала: «Когда выпадет снег, твой отец должен вернуться домой».

Линь Цинъюй не осмеливался надолго оставлять резиденцию Хоу, поэтому, пообедав с матерью, быстро вернулся. В Павильоне Голубого Ветра Линь Цинъюй увидел, как Хуа Лу напевает мелодию и поливает увядшее дерево османтуса во дворе, и спросил: «Чему ты так радуешься?»

С тех пор, как Лу Ваньчэна вырвало кровью, Павильон Голубого Ветра стал унылым и мрачным. Он уже давно не видел Хуа Лу такой довольной.

Хуа Лу радостно сказала: «Молодой господин только что проснулся. Он сегодня в очень хорошем настроении, может сидеть сам, на одном дыхании выпил полтарелки каши и попросил меня переодеть его в красный свадебный наряд. Шаоцзюнь, как вы думаете, молодому мастеру становится лучше?»

Линь Цинъюй на мгновение растерялся, и его сердце внезапно упало.

<http://bllate.org/book/15122/1336656>